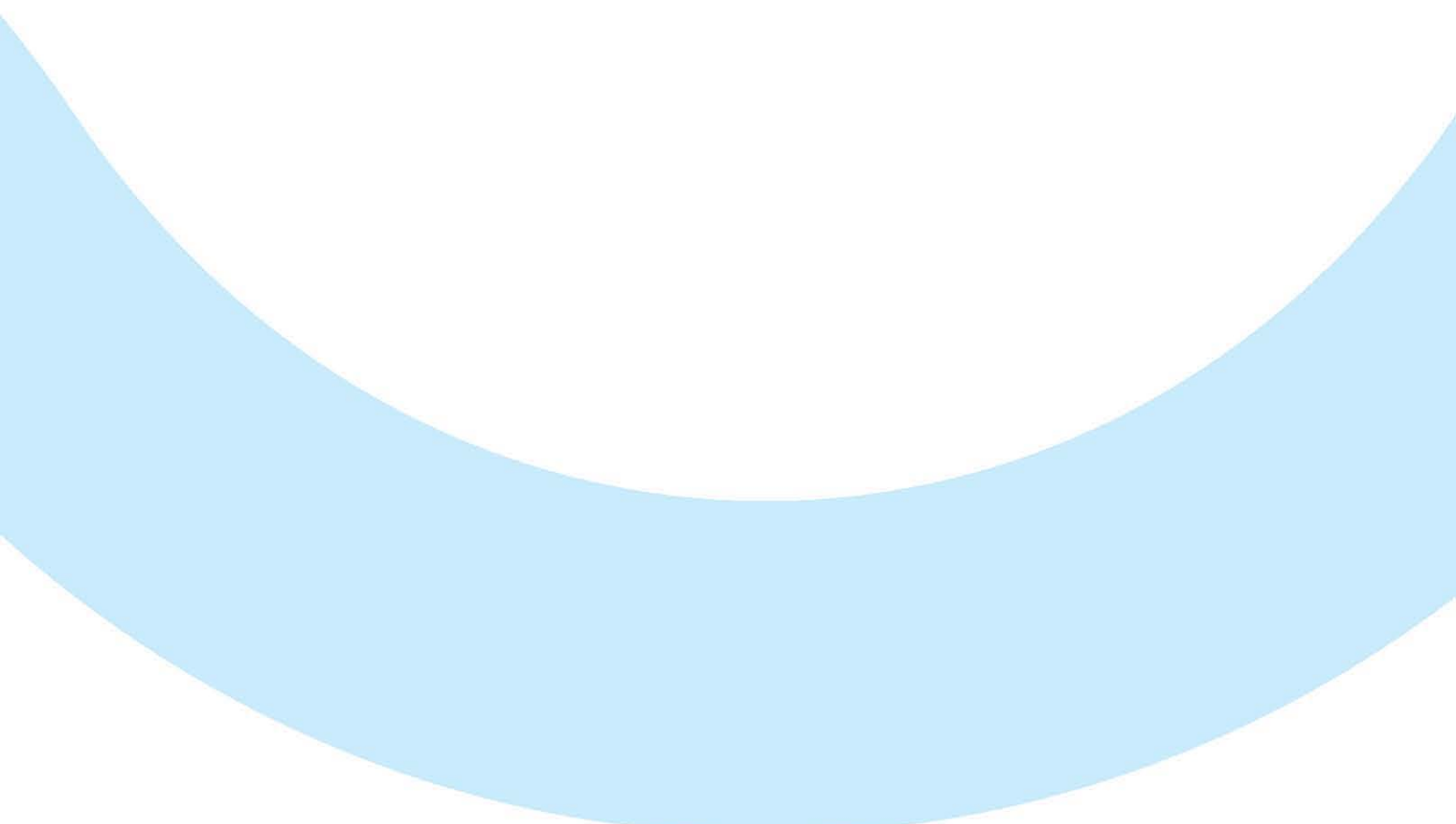


ВРЕМЯ КУЛЬТУРЫ

П Е Т Е Р Б У Р Г

журнал для образованных людей

№2(4)2014



С о д е р ж а н и е

ГОРОД ПЫШНЫЙ, ГОРОД БЕДНЫЙ

Анджей Иконников-Галицкий
Петербург, лето
тысяча девятьсот четырнадцатого 6

РАЗГОВОРЫ СОВРЕМЕННОКОВ

Олег Басилашвили:
Культура превращает отдельные
личности в единое целое – на какое-то
мгновение 18

КУЛЬТУРА В КВАРТИРЕ

Наталия Курчатова
Печки города Питера 32

МИГ УДАЧИ

Дмитрий Циликин
Раздувая в тиглях жар
(Актёрский ансамбль спектакля
«Три сестры». Театр имени Ленсовета) 38

НАШИ ЛЮДИ

Ирина Дудина
Безнадёжный живописец
(Анатолий Заславский) 44

ИЗЫСКАНИЯ

Илья Лазерсон
Гастрономические сентенции
Пушкина 52

РАССКАЗЫ О...

Наталия Кудрявцева
Жила-была девочка... 62

ЭТО ВОПРОС!

Наталья Пахомова
Зачем убивать в школьнице
читателя и писателя? 74

НАШИ ЛЮДИ

Татьяна Москвина
Человек-rock
(вокруг да около метафизики
Константина Кинчева) 78

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КЛАССИКИ

Дмитрий Циликин
Вы куда же теперь?
(«Вишнёвый сад» в Малом драматическом
театре – Театре Европы) 92

ИЛЛЮЗИОН

Сергей Шолохов
Он искал счастье
(Алексей Балабанов) 98

СУДЬБЫ КНИГ, КНИГИ СУДЕБ

Наталия Курчатова
Распространение духа
(О книге Павла Крусанова
«Царь головы») 108

«Завод “Свобода”» Ксении Букши:
морозная нежность
нашего города 110

Борис Аверин:
Если я попаду в рай –
буду там собирать грибы 112

НАШИ ЛЮДИ

Марианна Димант

Леонид Сарафанов:

Танцевать нужно без швов 120

МУЗЫКА ЖИЗНИ, МУЗЫКА – ЖИЗНИ

«Вы не знаете и не можете ни знать, ни даже подозревать, что такое Направник...»
К 175-летию со дня рождения дирижёра 132

КЛУБ УМНОГО ЗРИТЕЛЯ

Андрей Юрьев

«Князь? Кто здесь князь?» 140

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Сергей Носов

Девушка и рельс 150

ФИЛОСОФ СМОТРИТ В МИР

Александр Секацкий

Новые юные и старые старые 156

УТРАТЫ И ОБРЕТЕНИЯ

Надя Кузнецова

Преодоление времени 162

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Павел Крусанов

Наль Подольский 172

Редакция

Главный редактор

Татьяна Москвина

moskvina@timeculture.ru

Зам. главного редактора

Дмитрий Циликин

tsilikin@timeculture.ru

Редактор

Наталья Курчатова

kurchatova@timeculture.ru

Редактор сайта

Елена Кузнецова

kuznecova@timeculture.ru

Художник

Александр Веселов

Директор

Ян Кронберг

Yan.Kronberg@ragrad.ru

Референт

Валерий Веткин

vetkin@timeculture.ru



ВРЕМЯ КУЛЬТУРЫ
П Е Т Е Р Б У Р Г

Журнал для образованных людей
№2(4) 2014

Материалы журнала на сайте
www.timeculture.ru
e-mail: info@timeculture.ru

Невский проспект в день объявления войны. 18 июля 1914 года.
Фотография А. К. Буллы

Андрей Иконников-Галицкий

ПЕТЕРБУРГ, ЛЕТО ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО

ВЗГЛЯД НА КАЛЕНДАРЬ

Лето 1914 года государь император с семьей проводил в Петергофе. В конце июня стояла жара, потом перепали грозы, попрохладнело, стало хорошо. Из окон любимой государем Нижней дачи виднелось ровное, залитое тёплым светом пространство Финского залива.

7 июля в Кронштадт на броненосце «Франс» прибыл президент Французской Республики Раймон Пуанкаре. Николай II встретил его на яхте «Александрия»; вместе отправились в Петергоф. Торжества по случаю президентского визита продолжались три дня, и в общем всё прошло прекрасно. Гвардия маршировала и маневрировала перед высоким визитёром в Красносельских лагерях. Петербург был весь увешан российскими и французскими флагами: синий, белый, красный; красный, синий, белый... На заводах, правда, бастовали, и по окраинам столицы прокатилась волна беспорядков: били стёкла трамваев. Но беспорядки улеглись и, во всяком случае, не смогли омрачить радость бело-сине-красного союза.

Союз этот был особенно важен теперь, когда на Балканах разрастался политический кризис. Государь был весьма обеспокоен позицией Австро-Венгрии в отношении Сербии. В конфликт постепенно втягивалась вся Европа. Никто, однако же, не сомневался, что мирный выход будет найден.

10 июля император провожал французского президента. Перед отплытием цар-

ской яхты из Петергофа разразилась короткая, но сильная гроза.

На борту броненосца «Франс» состоялся прощальный обед. В то самое время, когда Николай II и Пуанкаре пили за процветание союзных держав, Австро-Венгрия направила правительству Сербии устрашающий ультиматум. На следующее утро министр иностранных дел Российской империи Сазонов получил из Белграда депешу – вопль сербского правительства о помощи.

В течение следующей недели петергофский дворцовый телеграф и телефон работали непрерывно. Кризис приобретал всё более опасный характер. Но Финский залив по-прежнему выглядел спокойным, мирным. В перерывах между докладами, телефонными и телеграфными переговорами государь купался в море, плавал на байдарке, гулял с детьми.

15 июля Австрия объявила войну Сербии.

17 июля, в четверг, около трёх часов пополудни в Петергоф приехал Сазонов. Он привёз мнение военных о необходимости немедленной мобилизации; сам же был твёрдо убеждён в неизбежности войны. Долгий разговор в царском кабинете завершился томительным молчанием. Наконец государь произнёс:

– Сергей Дмитриевич, принять сказанное вами – это значит обречь на смерть сотни тысяч русских людей. Как не остановиться перед таким решением?..

■ К столетию Первой мировой войны Петербургская театральная библиотека устроила выставку «Россия – воинству». На ней были представлены раритеты, таящиеся в богатейших фондах одного из старейших российских книгохранилищ, библиографические редкости, большинство которых никогда прежде не экспонировалось. Война нашла отражение в личных дневниках, письмах, в художественных произведениях – книгах, пьесах, повременных изданиях. Война пробудила и обострила в людях и скверные качества, например примитивный национализм, и высокие – благородство, щедрость, милосердие. На выставке, в частности, показали

открытки, выручка от продажи которых шла на помощь армии, сборники «Артист – солдату», значки многочисленных благотворительных концертов, устроенных знаменитой актрисой М. Г. Савиной, – их устроители справедливо называют жемчужинами отечественной фалеристики.

Век – короток: мы находимся всего в двух-трёх рукопожатиях от событий того времени. Особенную, так сказать, человекообразность экспозиции придали фотографии из собственных семейных архивов, сохранные сотрудниками Театральной библиотеки.

Иллюстрации к очерку Анджея Иконникова-Галицкого – экспонаты этой уникальной выставки.



– Ваше императорское величество, – Сазонов нарушил готовую вновь установиться тишину, – вы сделали решительно всё, что было в ваших силах, дабы предотвратить непоправимое. Не на вас, не на вас ляжет ответственность за последствия. Из сложившейся ситуации нет иного выхода.

Снова пауза. Наконец ровный баритон отмерил десять слов:

– Вы правы. Передайте начальнику Генерального штаба мое приказание о мобилизации.

Через несколько минут на столе начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Янушкевича зазвонил телефон. Генерал снял трубку:

– У аппарата Янушкевич.

– Говорит Сазонов. Николай Николаевич, я телефонировал из Петергофа. Я был у государя и только что получил от него повеление передать вам приказ об общей мобилизации.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Немного дней тому назадъ Манифестомъ Нашимъ оповѣстили Мы русскій народъ о войнѣ, объявленной Намъ Германіей.

Нынѣ Австро-Венгрія, первая зачинщица міровой смуты, обнажившая посреди глубокаго мира мечъ противъ слабѣйшей Сербіи, сбросила съ себя личину и объявила войну не разъ спасавшей ее Россіи.

Силы непріятеля умнѣются: противъ Россіи и всего славянства ополчились обѣ могущественныя нѣмецкія державы.

Но съ удвоенною силою растетъ навстрѣчу имъ справедливый гнѣвъ мирныхъ народовъ, и съ несокрушимой твердостью встаетъ предъ врагомъ вызванная на брань Россія, вѣрная славнымъ преданіямъ своего прошлаго.

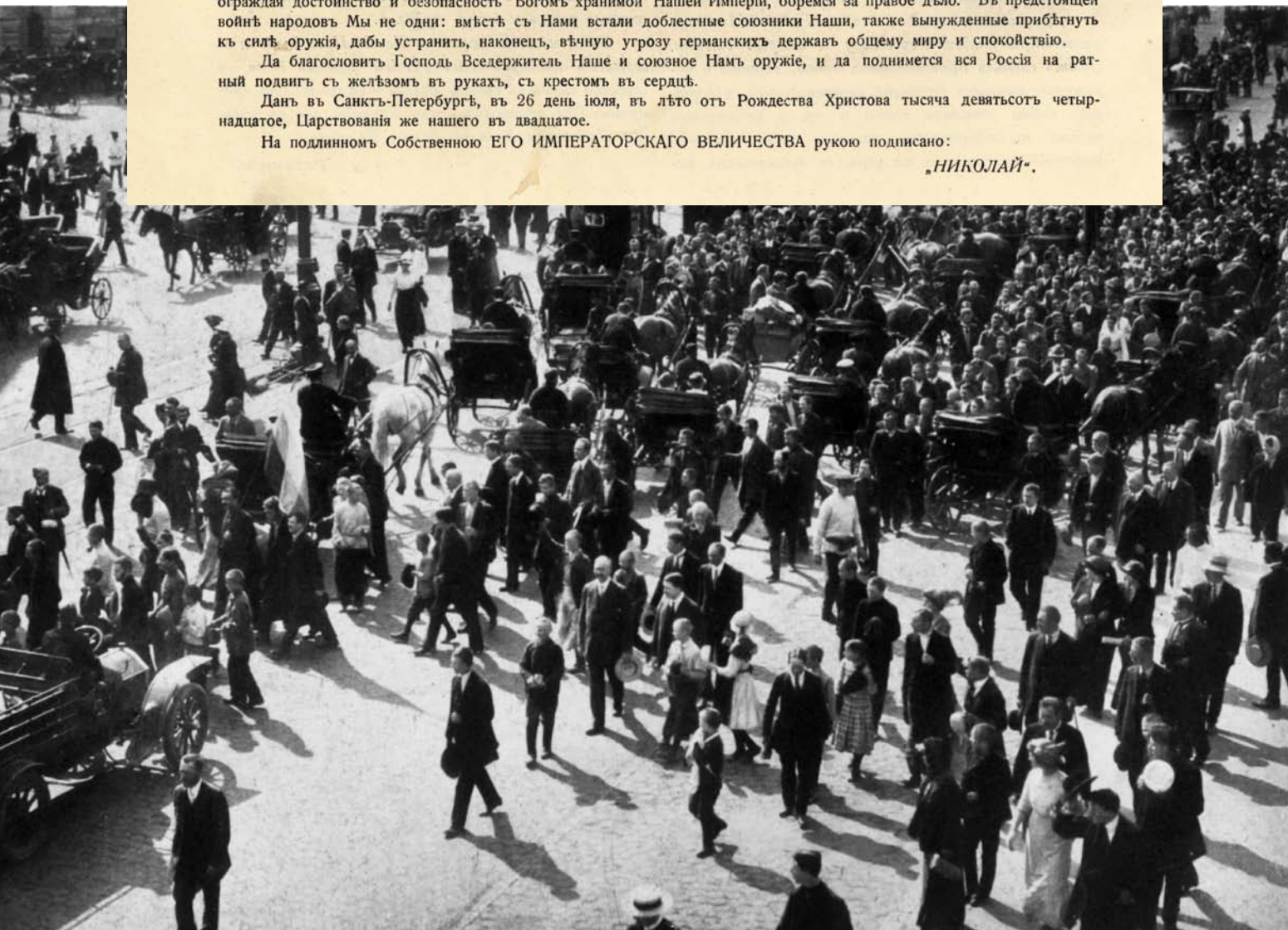
Видитъ Господь, что не ради воинственныхъ замысловъ или суетной мірской славы подняли Мы оружіе, но, оградя достоинство и безопасность Богомъ хранимой Нашей Имперіи, боремся за правое дѣло. Въ предстоящей войнѣ народовъ Мы не одни: вмѣстѣ съ Нами встали доблестные союзники Наши, также вынужденные прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы устранить, наконецъ, вѣчную угрозу германскихъ державъ общему миру и спокойствію.

Да благословитъ Господь Вседержитель Наше и союзное Намъ оружіе, и да поднимется вся Россія на ратный подвигъ съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ 26 день іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствования же нашего въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.



ГОРОД БУДУЩЕГО

К лету 1914 года Петербург был переполнен энергией роста. Он был – как того требовали время и мода – вполне безумной столицей вполне безумной империи. Его население, по данным официальной статистики, перевалило за два миллиона, а на самом деле, если учесть всех – пригородных мастеровых и торговцев, приезжих по делам, криминальных гастролёров, беспаспортных и не прописанных, нарушителей закона о черте оседлости, – составляло, возможно, миллиона три с лишним.

По тротуарам сновали толпы, на углах улиц стояли образцово подтянутые городовые, кругом звучали бодрые звонки трамваев и гудки довольно уже многочисленных авто. Повсюду что-то строилось, прокладывалось, ремонтировалось. Во дворе Зимнего в новеньком здании гаража сверкали воронёной сталью только что купленные автомобили «Рено»; государь и его одиннадцатилетний наследник по-мальчишески радовались их механическому блеску.

Большая стройка кипела в самом имперском сердце города: между Зимним дворцом и Кунсткамерой посреди Невы торчали из воды каменные опоры Дворцового моста, к коим уже начали прилаживать стальные конструкции пролётов.

Огромные махины многоквартирных жилых домов росли на Петербургской стороне, на Васильевском острове, на Песках. Там, где ещё недавно поблескивали водой Прудки – старинный бассейн Лиговского канала, превращавшийся зимой в общеизвестный городской каток, место встреч, знакомств, завязок романов, – теперь высились сурово-серые семиэтажные дома Бассейного товарищества квартирных собственников. Первый из трёх домов уже был строительством завершён; и депутат Государственной Думы, всей России известный вождь либеральной оппозиции Павел Николаевич Милюков готовился въехать в свою новую просторную и удобную квартиру.

Город переполнялся жизнью, как чаша. Его старинный центр не вмещал густоты бытия. В архитектурном сообществе, в Городской Думе, в окружении государя обсуждались всевозможные проекты переустройства столицы. Предлагали выстроить новый городской центр на Охте или на Средней Рогатке близ Чесменского дворца. Огромный

жилой район по проекту архитектора Ивана Фомина уже начали строить на Голодае: имперские колоннады и фантастические арки, прямые лучи-улицы и многоэтажные дома должны были превратить пустынный доселе остров в сиятельный Город Солнца.

Проекты, проекты взлетали от письменных столов и чертёжных досок как птицы. Проект перестройки Николаевского вокзала. Проект строительства новых вокзалов – на Семёновском плацу или у Троице-Измайловского собора. Проект огромного спортивного палатко с башенками на Ватном острове (это где сейчас планируют сотворить «Набережную Европы»). Проект петербургского метро. Сей последний, долженствовавший поступить на высочайшее рассмотрение летом 1914 года, предусматривал строительство двух надземно-эстакадных линий: одна – от Ланской, через Чёрную речку, Петербургскую сторону, Марсово поле, далее по Екатерининскому каналу, Лермонтовскому проспекту, Обводному каналу к Нарвским воротам; другая – от Николаевского вокзала по Невскому проспекту на Васильевский остров, до Смоленского кладбища.

Самым горделивым был проект архитектора Леонтия Бенуа и инженера Фёдора Енакиева, опубликованный ими под названием «Преобразование Петербурга». Проспект императора Николая II широченным прямым лезвием разрежет город от Обводного по трассе засыпанного Крюкова канала до Благовещенского моста и через Васильевский, Крестовский и Елагин остров протянется к Старой Деревне. Проспект императора Александра II с эстакадой метро пройдёт по линии Екатерининского канала, тоже засыпанного. Параллельно Невскому будет проложена новая магистраль: от Певческой капеллы напрямик к Николаевскому вокзалу, а оттуда на Охту. К северу от Охты, в Кушелевке, будет построен ещё один вокзал, а за ним вырастет огромный жилой район на полмиллиона жителей.

В воображении художников того времени рисовался Петербург будущего: новые высотные дома с колоннами и башнями, эстакады, мосты, несущиеся по ним поезда метро и автомобили, всюду сети электрических проводов радиовышки, острия антенн, над ними в небе – бесчисленные аэропланы...

Стремительное движение Петербурга к футуристическому завтра было остановлено в один день: в пятницу 18 июля 1914 года.

ЧУДЕСНЫЕ ДНИ

В середине июля в Петербурге и вокруг установилась прекрасная, солнечная, умеренно жаркая погода. Прозрачные, ещё светлые ночи навевали прохладу. Цвели липы. Город приобрёл умиротворённый вид. Семьи чиновников и праздные горожане разъехались на дачи. Продавцы газет скучали на опустевших улицах. Даже неприятности на Балканах, даже дурные, беспокойные вести из Вены, Белграда, Берлина не могли разрушить удовлетворённое спокойствие петербуржцев, дождавшихся наконец настоящего лета. В такую погоду, вдыхая этот воздух, невозможно было думать о войне.

Гвардейские полки жили привычно-размеренной жизнью в лагерях под Красным Селом и Гатчиной. В штабах уже несколько дней поговаривали о мобилизации, и это радовало младших офицеров, наполняло их души тревожным и счастливым ожиданием.

17-го после полудня слухи усилились. От кого-то из штабных всезнаек прилетели вести: министр иностранных дел Сазонов поехал к государю в Петергоф; из Петергофа был звонок в Генеральный штаб; там суматоха, все бегают, никого не застать на месте.

Неужели?

Война?

Из дневника Георгия Адамовича Гоштовта, поручика лейб-гвардии Кирасирского Её императорского величества полка:

«Около 10 часов вечера адъютант, к общему восторгу, сообщил, что наконец окончательно объявлена нам мобилизация. <...>

Ночь ясная, тёплая, безоблачная; лёгкий ветерок доносит запах цветущих лип из дворцового парка. <...> Непробудным сном спит, прикрывшись ставнями, тихая, мирная Гатчина – город семейственной, средней интеллигенции. Сквозь щели некоторых ставен мерцает чуть заметный свет от огоньков лампадок. Тишину и покой нарушают лишь перекликающиеся петухи да шелест листьев от набегающего предрассветного ветерка. <...> День обещает быть чудесным».

Этот «чудесный день» двадцатишестилетний гвардии поручик Гоштовт провёл в хлопотливых сборах, в разъездах между Гатчиной и Царским Селом, в сумбурной работе комиссии по приёмке лошадей для Кирасирского полка (мобилизации подлежали не только люди, но и лошади!). Лишь вечером, в половине девятого, исполнив служебные обязанности, уехал поездом в Петербург: надо увидеть столицу – кто знает, быть может, в последний раз...

По всему городу на афишных тумбах были расклеены листовки-объявления: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил привести армию и флот на военное положение. Первым днём мобилизации назначено 18 июля 1914 года».

Петербург преобразился в считанные часы. Из дневника Гоштовта: «При выходе с вокзала на улицу я впервые был совершен-





но захвачен патриотическим подъёмом манифестировавшего народа. От Проходных казарм, в строю, в пиджаках и картузах, но стараясь отбивать чётко ногу, шли запасные и вместе с огромной толпой, их окружавшей, пели гимн».

Проезжая на извозчике по многолюдным, несмотря на поздний час, и необычно шумным улицам Петербурга, поручик вглядывался в лица прохожих, вчера ещё мирных обывателей, сегодня – участников великой войны. Вот этот прилично одетый господин с либеральной бородкой, в белой летней шляпе и с тросточкой – кто он? Будущий герой сражений, труженик тыла или враг царя и родины, вечно недовольный интеллигент?

Господин в шляпе с интересом посмотрел на проехавшего мимо офицера. Что-то неотчётливо подумал о крестах, которые скоро украсят мундиры таких вот поручиков... А может быть, поставлены будут над их могилами... Господин направлялся домой: он изрядно устал за день. Вошёл в парадное, кивнул сонному швейцару, поднялся на третий этаж и исчез в темноте квартиры, на входной двери которой красовалась медная дощечка с надписью: «Михаилъ Константиновичъ Лемке, журналистъ».

Из дневника М. К. Лемке: «18 июля, пятница. Манифестации на улицах местами имеют величественный характер. <...> Общий подъём, бодрость, серьёзность настрое-





ния, отрешённость от личных переживаний горя, полная трезвость – на общую радость, водка не продаётся. Простые женщины как-то не решаются следовать своей привычке «повыть» и «поголосить» – слишком определённо общее настроение провожаемых ими завтрашних воинов.

19 июля, суббота. Указом Вильгельма Германия объявлена на военном положении. России ею предъявлен ультиматум».

Как раз тогда, когда Лемке делал запись в дневнике о германском ультиматуме, к перрону Николаевского вокзала подходил поезд из Москвы. На площадке вагона третьего класса стоял высокий стройный красавец тридцати трёх лет – поэт Александр Блок. Известие о мобилизации застало его в имени Шахматово, где он проводил вместе с матерью погожие дни последнего мирного лета своей жизни. 18 июля почтальон доставил в Шахматово телеграмму: отчим Блока генерал-майор Франц Феликсович Кублицкий-Пиоттук сообщал, что он срочно отозван из отпуска в Петербург, в штаб возглавляемой им бригады; со дня на день могут командовать выступление. Жена и пасынок генерала быстро собрались и выехали первым утренним поездом.

В субботу около четырёх часов пополудни Блок уже выходил из здания Николаевского вокзала на обширную и шумную Знаменскую площадь. Здесь он увидел примерно ту же картину, которая накануне так восхитила поручика Гоштовта: площадь шевелилась как море; через её широкое пространство катились волны взбудораженного народа. Мелькали трёхцветные знамёна; то там, то сям начинали петь «Боже, царя храни» и «Спаси, Господи, люди твоя»; иногда – что-то про «Варяг». Протискиваясь к трамваю и поневоле напиваясь горделиво-геройским духом масс, Блок своим пророческим взором мог увидеть другую толпу, которая будет бушевать здесь же, на этом самом месте, через два года и семь с половиной месяцев, в феврале-марте 1917 года. Размахивать будут красными флагами, петь «Марсельезу» и «Варшавянку»; со стороны Лиговского проспекта будут вливаться в это море потоки серых солдатских шинелей, будут стрелять в воздух и кричать охрипшими голосами: «Долой царя! Долой Николашку с немкой!» Это – скоро, скоро... Этого Блок не сможет увидеть телесным своим оком: в те дни он будет на фронте, далеко, в Пинских болотах. А сейчас он едет через весь Петер-



бург, отуманенный испарениями имперского восторга, к себе на Офицерскую улицу, чтобы наутро чётким и красивым почерком записать в тетрадь:

«20 июля. Манифест».

ПЕРЕРОДИЛАСЬ ЛИ РОССИЯ?

20 июля, в воскресенье, был подписан и обнародован манифест о войне с Германией.

Днём государь с семейством прибыл на яхте из Петергофа к Николаевскому мосту, там пересел на катер, который доставил его к Зимнему дворцу. На набережных было невероятно многолюдно. В толпе махали руками, кричали что-то приветственное. В четыре часа пополудни в Николаевском зале Зимнего дворца состоялось торжественное молебствие о ниспослании победы русскому оружию.

Из дневника Лемке: «При прохождении царя к Иорданскому подъезду густые толпы стали на колени, кричали “ура” и пели “Боже, царя храни”».

Если Лемке (вхожий в коридоры власти) самолично присутствовал в начале пятого часа в Зимнем дворце или на набережной у Иорданской пристани, то он мог видеть в

толпе придворных моложавого безукоризненно стройного конноартиллериста в гвардейском полковничьем мундире – великого князя Андрея Владимировича, скандально известного в обществе своей связью с балериной Матильдой Кшесинской. Великий князь вернулся после церемонии в свой роскошный особняк на Английской набережной, принялся заполнять дневник. Его эмоциональные впечатления удачно дополняют суховатые описания Лемке.

Из дневника в. кн. Андрея Владимировича: «Когда певчие запели “Спаси Господи”, все запели хором и почти у всех на глазах заблестали слёзы. Речь Государя ещё больше подняла настроение. В его простых словах звучали, как у Апостола, силы с неба; казалось, что Господь всемогущий через него говорил с нами...»

Лемке: «Царь <...> вместе с Александрой Фёдоровной вышел на балкон... Толпа ревла всей грудью...».

В. кн. Андрей Владимирович: «Вся она (площадь. – А. И.-Г.) была заполнена сплошь народом – от дворца вплоть до зданий штабов. При появлении Государя все стали на колени. В эти короткие минуты Россия переродилась».



Лемке: «То здесь, то там слышны возгласы: “Долой Германию!”, “Да здравствует Россия!” <...> Весь день гудят колокола. У всех церквей толпы молящихся. Настроение праздничное и приподнятое; ни тоски, ни равнодушия».

В. кн. Андрей Владимирович: «Ни одного пьяного. Все трезвые».

С первого дня мобилизации начал действовать запрет на продажу крепкого алкоголя (повсюду, кроме, однако, ресторанов, клубов, собраний и аптек). Продажа пива



и виноградного вина запрещалась вблизи от призывных участков и в полосе железных дорог. Эти меры были установлены как временные – на месяц. Тогда думали, что и война-то продлится недолго, не более полугода. Но мирная жизнь и легальная водка вернутся только через десять лет. Да и то: мир будет недолгим, а водка – некрепкой...

Тогда, летом 1914 года, принудительная трезвость вызвала всеобщее громогласное одобрение... и почти такое же всеобщее тихое противодействие, которое будет нарастать с каждым месяцем войны. Вскоре разделы происшествий столичных газет запестрят заметками, подобными той, которую узрели читатели «Петербургского листа» 31 июля 1914 года:

«Отсутствие в продаже казённой водки побуждает страдающих алкоголизмом привычных пьяниц обращаться к лаку, политике и одеколону. Вчера один из таких несчастных, кузнец Александр Шварц, 37 л., проживающий в д. № 34 по Б. Гребецкой ул., стал пить цветочный одеколон. Он вскоре лишился сознания и был отправлен в Петропавловскую больницу, где вскоре умер».



ПРОЩАНИЕ С ПЕТЕРБУРГОМ

Гвардейские полки отправлялись из Петербурга один за другим. Первыми вступили кирасиры – 20 июля.

Из дневника Гоштовта: «Справа по три наш эскадрон идёт по улицам Гатчины, направляясь к военной платформе. <...> День ясный, безветренный; солнце щедро льёт на нас свои лучи. Из открытых окон бросают цветы. Старушки крестят нас широким крестом; на глазах у них слёзы. <...> Платформы, залы, двор – всё залито народом. Кричат ура, машут шляпами, платками, бросают в вагоны цветы, пачки папирос, плитки шоколада. На платформе реалисты с портретом Государя, осенённым двумя национальными флагами. Гатчина провожает нас величественным, несравненным, нашим национальным гимном... Поезд отходит...»

Полки 2-й гвардейской пехотной дивизии прошли походным маршем по улицам столицы 26–30 июля. Колонны выступали из казарм на Марсовом поле, у Гренадёрского моста, на Николаевской набережной Васильевского острова и под полковые оркестры, под бодрящую музыку маршей шагали в сто-

ВРЕМЯ КУЛЬТУРЫ

П Е Т Е Р Б У Р Г

№2(4)2014

Специальный проект журнала «ФУЗЗ» («FUZZ») –
«**ВРЕМЯ КУЛЬТУРЫ. ПЕТЕРБУРГ**»

Издание зарегистрировано как средство массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № ФС 77 – 34148 от 26. 11. 2008.

Учредитель: ООО «РАГРАД».

Издатель: ООО «РАГРАД».

Адрес редакции: 192102, Санкт-Петербург,
Волковский пр., дом 32, лит. А.

Тел. (812) 655-00-52.

Номер подписан в печать 10. 06. 2014.

Перепечатка материалов и использование их в любой форме возможны только с письменного разрешения редакции.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Для лиц старше 16 лет.

Типография: ООО «Типографский комплекс «Девиз».
199178, Санкт-Петербург, В. О., 17 линия, д. 60, лит. А,
помещение 4 Н.

Тел. (812) 335-18-30

Заказ № ТД-3376. Тираж 3000

Цена свободная.